Петренко Н.А.

*Евпаторийский институт социальных наук (филиал)**ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»**Евпатория, Россия*

doi: 10.18411/lj-28-02-2017-3-06

idsp 000001:lj-28-02-2017-3-06

Символика степи в древнерусской литературе и фольклоре

Аннотация

В статье сделана попытка определить и обосновать особенности отражения степи в славянской системе фольклорного мировоззрения и в древнерусской литературе.

Ключевые слова: фольклор, древнерусская литература, степь, символ.

Abstract

The paper attempts to identify and justify the features of reflection steppe in Slavic folklore system and worldview in ancient literature.

Keywords: folklore, old Russian literature, steppe, symbol.

В контексте национальной культуры, фольклора, литературы актуальным остаётся интерес к функционированию символики степи в художественных произведениях, а также в фольклоре древней Руси.

Цель статьи – рассмотреть основные черты символики степи в древнерусской литературе и фольклоре.

Новый этап материальной и духовной эволюции древнерусской народности стал причиной переориентации многих первобытных славянских представлений. Находясь на высшей ступени развития, славяне начали по-другому воспринимать некоторые явления, вещи. Одним из таких явлений, которое претерпело значительные изменения в системе древнерусских представлений о мире, была степь. Вспомним, что в культуре праславян степь занимала значительное место, была объектом почитания. В свою очередь, среди представлений славян времен Киевской Руси стала ощутимой тенденция к восприятию степи как явления, имеющего негативную окраску.

Анализ древнерусского обрядового фольклора позволяет сделать вывод о том, что часть народных песен (в частности, колядки и свадебные песни)

написаны в героико-эпическом стиле и рассказывают о событиях войны с кочевыми племенами. В них можно найти и отображение взглядов славян на степь. Отметим, что при сравнении героических колядок с архаичными образцами общеславянского периода особо выделяются одинаковые постоянные эпитеты в обозначении степи – «чистое поле», «широкое поле». Возможно, это означает, что степь в представлении народа не перестала отождествляться со свободной территорией, не принадлежащей ни половцам, ни русинам (на это четко указывает семантика слова «чистое поле»), но наличие в ней враждебных племен побуждает к борьбе и восстановлению «чистоты» степи:

Или спишь, или слышишь, господин хозяин,
Твой двор орда забрала...[.]

Наиболее характерная черта степи – бесконечность, которая приближает её к морю (этим объясняется существование образного параллелизма «чистое поле, синее море»). Во многих древних песнях эта черта нашла своё поэтическое выражение:

Как в поле, поле, поле,
На чистом на раздолье
Там стояла белая береза [1, 134].

Но с другой стороны, именно из-за такого неограниченного пространства славяне относились к степи настороженно, т.к. всё неизвестное и неосознанное пугало. Поэтому в поэзии этого периода наряду с эпитетом «чистое» встречается и характеристика «чужое» («Стоял тополь край чужого поля, а на том тополе четыре сокола» [1, с. 176]).

Народной стихией пронизан письменный памятник древнерусской литературы – «Слово о полку Игореве». Эта героическая поэма ярко отражает период двоеверия, который сложился тогда в Киевской Руси, особенно его языческие элементы. В наибольшей степени это видно в описаниях природы, в поэтических обращениях к ней, поскольку основой славянских верований был культ природы. В поэме есть также и упоминания о степи. Принимая во внимание древнерусские представления о степи, можно проследить, как они отразились в произведении. Когда князь Игорь только въехал в степь, для него она является «чистым полем», то есть степь имеет такое же значение, как и в древнейших народных песнях:

Тогда вьступи Игорь князь въ злать стремя
и поьха по чистому полю [2, с. 30].

Чем дальше в степь едет войско, тем сильнее в ней чувствуются признаки Дикого поля, неизвестного, чужого пространства:

Трещать копия харалужныя
въ полъ незнаме, среди земли Половецкыи.... [2, с. 34].

И, наконец, когда в степи становится опасно для князя, то она становится не просто Диким полем, Половецким полем, что дополнительно подчеркивает враждебность:

... на землю Рускую, на жизнь Всеславию.

Которою бо беша насилие
отъ земли Половецкыи! [2, с. 44].

Отметим, что в поэме последовательно отражены различные оттенки значений степи, сформированные народным воображением. Такая противоречивость во взглядах была следствием исторических событий, но одновременно свидетельствовала о том, что и в древнерусское время степь для человека еще оставалась загадкой.

Итак, анализ древнерусского фольклора и литературы даёт возможность утверждать, что в отношении славян к степи акцент враждебности отчасти был смещен с самой местности на кочевые племена, обитавшие в степи. Степь, как была, так и оставалась «чистым полем», пока на смену древним языческим верованиям не пришла новая, заимствованная из Византии религия. Поэтому поздние древнерусские представления о степи имели негативный характер.

Литература

1. Варенцов, В. Сборник песен Самарского края. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/so5/so53422-.htm?cmd=2>
2. Слово о полку Игореве. – Москва: Художественная литература, 1987. – 222 с.